

ПРИЧИНЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ПРОБЛЕМЕ МЕЛКИХ ХИЩЕНИЙ

Назарова Н.Л., Романовская В.Б.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В настоящей работе ставится задача проследить основные социальные характеристики нарушения норм действующего административно-деликтного законодательства применительно к проблеме мелких хищений в России. В российской общесоциальной повседневности стало почти традицией несколько ироническое отношение к административной ответственности и административному праву вообще. Данная работа представляет собой попытку творческого анализа существующих в отечественной и зарубежной науке узко-содержательных подходов к проблеме совершения индивидом правонарушений, а также личностного отношения к совершенным административным правонарушениям и особенно мелких хищений.

Для освещения указанной проблематики стоит обратиться к вопросу деликтного поведения вообще в историческом развитии общества и государства и предложить несколько расширенный подход к проблеме причин и условий совершения административных правонарушений.

Действительно, проблема эта достаточно конкретна и, в общем-то, никогда не располагала исследователя к привлечению глобальных криминологических концепций. Однако применительно к специфическим российским условиям приобретает особый смысл: для правосознания и образа жизни современного индивида совершение административных правонарушений не является ни правовой ни нравственной проблемой. Совершение указанных правонарушений не мыслится субъектом (как правило) в качестве нарушения некой черты, отделяющей заведомо правомерное поведение от неправомерного, не представляется как "приумножением социального зла" в отличие, например, от общепринятого отношения к преступлению как злу достаточно определенному.

Если для среднестатистического гражданина цивилизованно-правового, европейского государства, с детства приученного соблюдать культуру норм общежития, любое нарушение установленных властью запретов мыслится (интуитивно или рационально) независимо как поступок, то для того же гражданина, действующего на российской почве, административное правонарушение представляется, как правило, неким вполне допустимым для русского характера лихачеством и почти не осуждается. Таким образом, необходимым представляется видение указанной проблематики не только в описании обобщенных характеристик деликтного поведения субъектов, но и его "идеальных" характеристик: правосознания, психологии, отношения к правонарушению и цели его совершения, образа жизни, нравственности.

Где же искать базис научного осмысления проблемы общих причин административно-правовых деликтов? Какие факторообразующие общественной жизни взять в качестве исходных? Недостаточную эффективность действия механизма административно-правового регулирования (которое призвано нести не только карательную, но и воспитательную функцию) или несовершенство общих гражданско-воспитательных механизмов российской государственности? Особенности психологии человека или социальный образ личности в проблемно-кризисной общественной среде?

Указанная проблематика интересна прежде всего с точки зрения выявления системы факторов массовости административных правонарушений в российском обществе, иерархии действия этой системы. Попытаемся изложить свой взгляд на рассматриваемый социальный феномен с позиций анализа "идеальной сферы" субъекта деликта: правосознания личностного и общественного, ценностных ориентаций субъекта, особенностей психики и т.п. на основе привлечения некоторых популярных концепций и методов.

2. Аспекты и систематика исследования.

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным не открытие новых закономерностей в административно-проблемном поведении личности или коллектива в современном российском обществе, но прежде всего обобщение знаний и данных об основных параметрах российского индивида, так или иначе оказывающих влияние на формирование административно-противоправного поведения. В этом аспекте автор считает необходимым при исследовании деликтно-правовых явлений отталкиваться от положений так называемого "многофакторного подхода" в криминологии, обоснованного в свое время Э.Ферри и развитого впоследствии американскими исследователями Шелдоном и Элеонорой Глюк. Данный подход полагается на накопление эмпирической информации. Его основная идея в том, что каждый фактор исследования находится в тесной связи с множеством иных и что в конце исследования можно составить определенные научные доктрины, включающие в себя многие научно значимые единичные факторы.¹ Таким образом, представляется интересным обобщить факторы социальной реальности (которую можно назвать "правовой психологией личности и общества в целом"), имеющие отношение к административно-деликтному поведению, и показать их влияние на примере применительно к проблематике мелких хищений.

Известно, что проблема причин совершения каких-либо правонарушений в конечном итоге всегда сводится к проблеме соотношения личности и социальной среды. При этом особенно значимым является правовое воздействие на индивида и общество. Категорией в системе взаимосвязи сознания личности и правового воздействия на нее традиционно признается правосознание. Таким образом, для диалектического подхода к проблеме правонарушений, необходимо противопоставить реальное правовоздействие на личность и общество и существующие установки в правосознании личности и коллектива. Следовательно, надо рассмотреть два взаимосвязанных аспекта указанной проблемы:

1. Сущность и предпосылки формирования значимых для рассматриваемой тематики установок, заложенных в правосознании современного нам российского индивида и общества в целом. Для этого представляется интересным применить:

а) исторический подход — выяснить исторические предпосылки формирования определенного типа правосознания российского субъекта применительно к рассматриваемой проблематике;

б) "социально-психологический" подход — т.е. выявить проблемы правового осознания социально-гражданственных связей в современном обществе, уровень взаимного уважения индивидов и коллективов, соотнесение в общественном сознании правонарушения и социальной справедливости;

¹ См. Шнайдер Г. Криминология. М., 1994, с. 235.

в) "личностно-психологический" подход — установить индивидуальную психологию административных правонарушений (для наглядности — мелких хищений) применительно к условиям современного общества.

В действительности все три изложенных аспекта находятся в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости. Однако для целей работы представляется возможным и интересным их рассмотрение в отдельности.

Проблематику социального действия механизма административного права в части создания антиделиктных установок в сознании индивида и общества. Принято считать, что право по отношению к сознанию, правовому сознанию и психологии личности выступает как объективное явление, как специфическое объективное условие. Однако правовоздействие и субъективно — в том смысле, что правовая норма познается личностью с различной степенью и результатом этого процесса является формирование различных установок правомерного поведения личности. Это зависит от характеристик общества, в котором действует индивид, от его социального положения и от его индивидуальных особенностей. Воспитательная функция права реализуется с момента отражения в сознании личности юридических прав и обязанностей, правовых предписаний, заложенных в норме. С этого момента правовые предписания превращаются в средства воспитательного воздействия на личность, а эффективное воспитательное воздействие зависит от развития конкретного общества и от внутренней структуры личности.¹ Таким образом, было бы интересно рассмотреть как возможный фактор деликтогенного характера и механизм социально-психологического воздействия административного права в части его несоответствия реалиям современной общественно-информационной восприимчивости.

Историческая этика российского правосознания

Принято считать, что пресловутая "правовая аномия" (выражение Э.Дюркгейма) современного нам российского общества есть преимущественно результат долговременного функционирования тоталитаризированного "реального социализма", породившего и неформальное право ("телефонное право, право не для всех, партийное и корпоративное право" в противовес бесправью прочих слоев "населения" и тотальной "уравниловке") и поставившего на место духовно-правового принципа взаимоотношений принцип государственно-властного (формального) принуждения и неформальный, "блатной" принцип коммуникации между гражданами в материальной сфере. Действительно, внедренная в сознание граждан этика "экспроприируй экспроприаторов" и "грабь награбленное" выродилась в понимание кражи (особенно мелкой кражи и особенно у анонимного объекта — общества или государства) как своего рода мелкого восстановления социальной справедливости. Действительно — в этом обществе все равны, все "получают по потребностям", так почему же у них есть материальные блага, недоступные для меня? Мелкие хищения с производства — проблема пресловутых "несунов" — приобрели столь крупномасштабные размеры и столь органично влились в психику советского человека, что осуждать их в нормальном разговоре (не для отчета и не для публики) считалось даже неприличным. Любая попытка усилить реакцию общественности на такого рода правонарушения и придать ей хотя бы несколько негативную окраску вызывала воспоминания о сталинских репрессиях в отношении "пяти колосков". Только журнал "Фитиль", подобно Си-

¹ См. Демченко Т.И. Некоторые аспекты соотношения права и личности в процессе правового воспитания. Труды ВЮЗИ. М., 1976, с. 9.

зифу, упорно и по-советски "беспощадно" клеймил "несунов" и способствующих их безнаказанности несознательных граждан. Десятилетия безответного энтузиазма, вера в обещания власти и полнейшая зависимость от нее материального состояния правопослушного индивида, нищета большинства этих индивидов (в материальном измерении) привели к пониманию любой принадлежности советского человека к любой сфере материальных ресурсов общества как возможности за этот счет несколько "восстановить социальную справедливость" и улучшить свое благосостояние за счет все тех же мелких хищений. Массовая мораль воспринимала сложившийся стереотип весьма благосклонно, что отразилось и в народном городском фольклоре той эпохи — "кто у нас что охраняет, тот это и имеет". В последующем эта "анонимность" жертвы (общество и государство в условиях огосударствленной экономики) преемственно распространилась и на отношение работников к имуществу своих (уже частных) фирм и организаций, и только жесткая политика и контроль работодателей в состоянии препятствовать расхищению. Еще одна сфера преемственности — моральное самооправдание правонарушителя примером "власть имущих" (которые в массовом сознании предстают исключительно как "крупные расхитители"): "если у них нет совести, почему у меня она должна быть?"

Даже применительно к вопросу морального оправдания самого процесса кражи (который по сути своей есть процесс завладения чужим имуществом) можно найти объяснение. Общество "социалистической" экономики имеет принципиально отличные от западной этики собственности, труда и постепенного роста благосостояния (этики, основанной на вековой культуре всеобщего рационального компромисса) основы функционирования общественного богатства. Это отражается как в экономической и финансовой сферах, так и в сфере сознания членов этого общества. Это — то самое "распределение и перераспределение", которое не в марксистской теории, а в "эмпирическом наблюдении" отдельного гражданина приобретает форму прежде всего "спецраспределения" — в спецстоловые, спецсанатории, спецпайки, спецвыплаты и т.п. Рано или поздно "массовый" гражданин начинает чувствовать себя обманутым и сознает, что способ социалистического "распределения" — по сути своей нелегитимный, а для простого человека это значит — воровской. Сами основы, сам системообразующий принцип общества оказывается в сознании индивида расхитительским, а сознание, как известно, не только отражает бытие, но и воздействует на него в процессе практики, которая постепенно приобретает силу всеобщего стереотипа, т.е. происходит формирование личности ее психической деятельностью во взаимодействии с особенностями внешней среды, в которой эта личность функционирует.

Действительно, все приведенные факты имели и имеют место и столь очевидны, что подробное раскрытие этой проблематики не имеет смысла в силу банальности и общеизвестности возможных выводов и "открытий". Все это достаточно очевидно и составляет, по всей видимости, основной фактор современной "правовой разрухи" и нравственной аномии русского человека. Но только ли в советском времени следует искать глубинные причины проблемы? Ведь помимо России к "социалистическому лагерю" (показательно многозначный термин) принадлежали и иные страны Европы, в которых на сегодняшний день хоть и есть сходные проблемы, но сам масштаб их не сравним с отечественными. Ведь не в советской среде зародились весьма популярные до сегодняшнего дня народные поговорки о воровстве на манер: "вор у вора дубинку украл" или "не пойман — не вор". Мало того, в противовес этике нормального труда и накопления (как это сформирова-

лось в Западной Европе) в российской исторической традиции стабильно существует народная этика (как бы ее назвали в советское время) "нетрудовых доходов". Достаточно вспомнить, например, поговорки такого рода: "От трудов праведных не наживешь палат каменных", "работа не волк, в лес не убежит", или "работа дураков любит". Интересно, что по данным социологического опроса 1992 г. по словица "от трудов праведных..." получила у масс в 6 раз более сильную поддержку, чем "демократический" ее антипод: "Не бывает у воров белокаменных домов!" (37,4% против 6,4%).¹ Каков же по своим характеристикам глубинный, исторический срез российского национального правосознания и почему сознание советского человека так легко и органично восприняло ситуацию всеобщего воровства и обмана?

По мнению ряда известных социологов, корни той или иной общественной проблемы, приобретающей массовый характер и, соответственно, сильную поддержку в массовом сознании (добавим, и правосознании), следует искать исходя из анализа так называемых "национальных идей-верований", представляющих собой результат длительной исторической практики повседневных отношений и образующих в конечном итоге историческую традицию, трансформирующуюся под воздействием тех или иных внешних обстоятельств, но редко исчезающую бесследно. "Многokrатно используя те или иные неформальные нормы, участники взаимоотношений воспроизводят этот порядок как структурный элемент институционального порядка общественной жизни. Он обретает реальность и становится стабильным... Так возникают идеи-верования, которые могут надолго оставаться защищенными от рационализации и потому именуется предубеждениями. Не только отдельные люди, но даже целые народы смотрят на действительность, оценивают и стремятся изменить ее из глубины собственных предубеждений".² И следует отметить, что для культурного генотипа народа гораздо большее значение имеют эти идеи-верования, чем государственно-правовые нормативные акты, запрещающие или принуждающие. Так, еще в "Русской правде" кража рассматривалась как деяние, достаточно серьезно подрывающее устои хозяйственного уклада; квалифицировались различные виды краж, а ночного вора можно было просто убить на месте в качестве осуществления гражданской самообороны.³ Но с другой стороны, на материале русских сказок и поговорок легко видеть, что кража (тем более — кража мелкая) приобретает характер действительно плохого, неправильного деяния только в случае, если она совершена в отношении имущества ближних — друзей, соседей, родственников или бедных ("обидели юродивого, отобрали копеечку!"). Во многих случаях в народном сознании кража — показатель удали или средство восстановления справедливости: Жар-птица ворует золотые яблоки с яблони, Иван-царевич ворует Жар-птицу, Мальчик-с-пальчик ворует быков со двора, Матроха-вор доказывает свое воровское мастерство генералу и получает 300 рублей, а Аленушка после похищения у нее брата Иванушки не обращается к органам правопорядка, но сама же крадет брата обратно у гусей-лебедей.⁴ Таким образом, можно констатировать, что хотя кража и является для правосознания россиянина — времен Руси или РФ — определенным правонару-

¹ Данные приведены по книге известного советского политолога А.В.Оболонского "Система против личности. Драма российской политической истории." М., 1994, с. 331.

² Цит. по: Хлопин А. Становление гражданского общества в России. Pro et contra. Том 2, №4. Гражданское общество. М., 1997, с. 63.

³ См. Исаев И.А. История государства и права России. М., 1994, с. 18.

⁴ См. например, сборник "Русские народные сказки". М., 1982.

шением, но моральное и нравственное сознание во многих случаях признает кражу (особенно мелкую) не более чем средством восстановления социальной справедливости по принципу: с бедными надо делиться. И тому следует привести два основания:

а) Для российского правосознания, основанного, как и на Западе, на христианских религиозных традициях, исторически неприемлем моральный и юридический догматизм. "Грех состоит главным образом в недостатке любви, доверия, искренности в отношениях с ближними, но в православии нарушение правила или закона не приобретает автоматически вида греха. Содержание первенствует над формой, а дух — над буквой. Это тенденция отдавать предпочтение аффективно-духовному началу перед буквой нравственных и юридических формул и породила дефицит взаимности в добровольном признании прав и исполнении обязанностей в отношениях подданных и властей предрержащих, а также индивида и коллектива (общества)."¹ Последующая же форма общественных отношений — советская — вообще лишила закон его нравственной силы посредством его применения преимущественно во властных интересах и тем самым дискредитировала. Индивид, таким образом, решает проблему о признании его деяния (например, мелкой кражи) личным деликтом или средством восстановления справедливости на основании собственных духовных убеждений.

б) Убеждения же россиян относительно социальной справедливости весьма своеобразны. Установки и социальные стереотипы сознания большинства сформировались на основе "социалистически-застойного" типа существования, реализовавшего прежде всего подсознательное ощущение социальной слабости личности и ее незащищенность со стороны тех, кто обязан этим заниматься: властей, правоохранительных органов, предприятий и организаций по месту работы. Уравнительство играет роль компенсатора: то, что прочие живут также плохо, утешает. Тот же, кто достигает более высокого материального положения и имеет то, чего нет у других, выступает средством психологического раздражения, поскольку его успехи связываются не с личными достоинствами, а с "блатным" фактором. Иначе просто трудно было чего-либо добиться. А это значит, что надо делиться, и мелкие хищения чужого имущества (ранее "государственного и общественного имущества" ст. 49 КоАП РСФСР), рассматриваются с нравственной точки зрения как протест против "антиличностной системы" или как средство подержать свое материальное положение.

Итак, российский исторический контекст не сформировал в сознании индивида сдерживающих морально-нравственных установок, позволяющих считать мелкую кражу правонарушением только потому, что она записана как правонарушение в каком-то нормативном государственном акте. Сегодняшний же день принес в отечественный социум множество новых негативных черт, многие из которых характерны для всех современных "техногенных" обществ, а многие — уникальное достояние нашего кризисного государства. Ряд новаций общественного устройства имеет прямое отношение к рассматриваемой проблеме: попробуем описать их подробнее.

Психология социальных связей сторон деликта. Психология личности как субъекта деликта.

Для целей данной работы не представляется целесообразным рассматривать отдельно личностный и общественный аспекты деликта, ибо по существу любое

¹ Цит. по Хлопин А. Ук. соч., с. 67.

правонарушение — некий конфликт индивида и общества, которые соответственно должны рассматриваться во взаимосвязи. Тесная связь личного и общественного отношения к противоправному поведению прослеживается и в процессе формирования установки на принятие или неприятие деликтного способа жизнедеятельности субъекта, что наиболее ярко отражено в криминологической теории обучения. Теория обучения была выдвинута Г.Тардом и развита А. Бандурой, криминологами, указывающими на особую роль в процессе формирования личностных установок механизмов подражания. Подражание широко распространено в обществе, пронизывает все его слои, и реализуется обычно как восприятие людьми с более низким общественным статусом образа поведения и мышления субъектов, обладающих более высоким уровнем социального признания. "В результате повторяющихся наблюдений за тем, как кто-то другой успешно демонстрирует определенное поведение, появляется некое обобщенное представление о том, что, будучи имитировано, это поведение будет иметь положительные последствия. Социализацию детей членами семьи в настоящее время все в больших масштабах подменяет символическое моделирование поведения через средства массовой информации"¹ и (добавим) функционирующие в обществе неформальные информационные потоки — слухи, сплетни, локальные и массовые убеждения. Какого же рода поведенческие модели пронизывают современное общественное сознание как наиболее приемлемые к российскому государству?

Для целей настоящей работы необходимо отметить прежде всего то, что в обществе сложилось устойчивое представление о расхитительском способе формирования капитала и просто семейного богатства как практически единственном способе достижения материального благосостояния в современных условиях. Об этом говорят все и каждый. "Чем выше социальный статус лица, тем более крупные хищения он совершает, имея соответственно больше возможностей" — вот убедительная установка современного собирательного гражданина. О воровстве и коррупции как практическом образе жизни всех более или менее богатых лиц вещают все СМИ. На криминальный характер современной государственно-правовой действительности указывает и ряд ученых-юристов. "Особенностью демократической антитоталитарной революции стал ее криминальный аспект... криминал затронул практически все слои населения и приобрел полугосударственный характер, будучи связан прежде всего с переделом власти и государственной собственности, проводимым сверху... Криминал "сверху" сомкнулся с криминалом "снизу": невиданным разгулом преступности, с которым органы власти не могут справиться, а некоторые должностные лица и не хотят бороться..."²

Расхитительский принцип становится почти что доблестью современного россиянина: лица, в отношении виновности которых в крупных хищениях общественное мнение твердо убеждено, являются формально "героями нашего времени" — их демонстрируют средства массовой информации, их назначают на государственные должности, они пользуются блестящими иномарками и мобильными телефонами. Вряд ли можно сказать, что такого рода социальная стратификация внедряет в правосознание среднего гражданина позитивные установки. Здесь ско-

¹ Шнайдер Г. Ук. соч., с. 311-312.

² Чиркин В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма. Государство и право. 1997, №1, с. 6.

рее действует принцип еще одной популярной русской поговорки: "с волками жить — по волчьи выть".¹

Затронутая проблематика достаточно серьезна и выводы неутешительны. Следует сказать, что "криминальный характер" современной социальной стратификации в России не только подрывает общие устои правосознания личности, но и формирует достаточно конкретную установку по отношению к хищениям, которые для массового сознания представляются ныне не социальным злом, а почти что системным фактором социальной реальности. И было бы логично предположить, что рассмотренный фактор (жестко деформирующий основы законопослушного правосознания) является основным, главенствующим в системе факторов психологической нейтрализации деликтного поведения (применительно к проблеме хищений) в современной России. Если обратиться к популярной ныне концепции Э.Фромма о "социальном характере" как форме коллективной энергии, определяющей чувства и мысли индивида, характер его бессознательных установок, можно определить нынешний социальный российский невротизм по поводу ситуации всеобщего жульничества, обмана и воровства и практические последствия не могут лежать вне плоскости дальнейшей нейтрализации проблемы хищений в сознании личности. "Быть — это значит быть активным, общаться с другими людьми, вырваться из тьмы своего одиночества и эгоизма. Ориентация на бытие предполагает переход от доминирующей установки на обладание к господству установки на бытие..."² Лечить надо не индивида, а общество: его члены должны осознать необходимость переориентации на принцип бытия и доверия — утверждает Фромм. Современная личность больна прежде всего современным обществом, оставляющим индивиду не так уж много простора для индивидуального развития вне среды и в то же время порождающим, как правило, установку всеобщего недоверия и равнодушия, а в российском контексте — и установку всеобщего обмана.

Влияние права на психологические установки.

Известно, что лишь взаимодействие разных явлений общественной жизни, в частности права и социально-психологического механизма личности, создает связь между этими явлениями, их подлинное движение, взаимное развитие. Многими авторами отмечается "недостаточность представления о механизме правового регулирования поведения людей в обществе в качестве одностороннего процесса, где на стороне законодателя активное, направляющее поведение, в то время как на стороне того, кому адресовано правовое требование — лишь пассивное воплощение предписания, исполнение его. Игнорируется активная роль установок, мотивов, устоявшихся способов поведения — тех качеств людей, во взаимодействии с которыми только и может реально претвориться действие права, сказать его социальный эффект".³ "Специфика права заключается именно в том, чтобы вызвать у адресатов соответственно его требованиям моделируемые дейст-

¹ Следует отметить, что данная работа абстрагируется от каких-либо конкретных фактов юридически определенного обвинения в отношении определенных лиц, автор безусловно следует требованиям презумпции невиновности и пытается лишь исследовать установки, господствующие в СМИ и психологической реальности общественного мнения, которое, как известно, так же абстрагировано от юридических презумпций, как философия права от, скажем повседневной работы сотрудника милиции.

² Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1990, с.152.

³ Демченко Т.И. *Ук. соч.*, с. 18.

вия или удерживать от них. Однако сами эти действия помимо воли и сознания их носителей возникнуть не могут. Обусловлено это тем, что право есть психологический фактор общественной жизни и действует оно психически. Юридически должное, не пропущенное через сознание, психику своих адресатов, имеет лишь формально-юридическое значение и не приобретает качества правового регулятора."¹

Исходя из мнений известных авторов, следует отметить, что не только право формирует психологические установки личности как объекта своего воздействия, но и определенные личностные и общественные установки по отношению к праву способны в определенной степени влиять на его социальный эффект. Практика предстает той социальной сферой, в которой начинается процесс обратного воздействия личности и общества на право. Описанные выше реалии механизма общественного отношения к проблеме мелких хищений действуют в конечном счете и на восприятие того сегмента правовой сферы, который призван регулировать эти отношения. В целом в российском обществе принято несколько ироническое отношение к возможной административной ответственности за мелкие хищения, а потерпевшие настолько уверены в бесплодности своих претензий к правовым средствам решения этого конфликта, что предпочитают решить его своими силами либо вообще примириться. Способно ли административное право в современном его состоянии эффективно влиять на такого рода установки?

Следует признать, что в настоящее время разработка и внедрение действенных механизмов воздействия административного права на реалии общественной жизни, преодоление указанных выше негативных тенденций только начинается. Перечень реальных проблем практически необъятен. Состояние законодательства хаотично, авторитет правоприменительных органов в этой сфере дискредитирован — "практика применения должностными лицами правоохранительных органов РФ законодательства, связанного с реализацией ими своего права на применение мер непосредственного принуждения, оценивается российскими гражданами неоднозначно, встречая порой их резкое неприятие и осуждение..."² Недостаточно разработан институт административной ответственности в целом, что связано как с бесспорным устарением действующей административно-правовой системы, изобилующей анахронизмами, так и с необходимостью расширения сферы применения мер административной ответственности, новой формулировки множества составов правонарушений. Ряд авторов подчеркивает недостаточную разработанность статуса участников административно-юрисдикционной деятельности (не говоря уже о проблеме самого административного процесса), в частности потерпевшего, правовое положение которого практически исключает его активное участие в административном производстве. "На наш взгляд нет никаких препятствий к тому, чтобы предоставить потерпевшему право присутствовать при рассмотрении дела, представлять доказательства, пользоваться юридической помощью адвоката и услугами переводчика. Расширение правового статуса потерпевшего будет способствовать его превращению в реального субъекта административно-юрисдикционной деятельности, который, защищая свои интересы, мог бы в полной мере способствовать достижению задач производства по делам об административных правонарушениях" — указывает А.С. Телегин.³ Действительно, в современном административном праве сам

¹ Общая теория права и государства. /Под ред. В. В. Лазарева. - М., 1994. - с. 105.

² Бекетов О.И. Актуальные проблемы административного права России. Государство и право. 1999, №5. - с. 88.

³ Там же - с. 87.

но, в современном административном праве сам потерпевший как защитник своих прав почти не обозначен. Практически единственное право потерпевшего - обратиться в органы милиции за защитой своих интересов — реально грубо дискредитируется работниками правоохраны. Вряд ли подобная законодательная и правоприменительная ситуация в состоянии вызвать положительную динамику общественных нигилистических установок. И только в том случае, если в законодательной сфере и в сознании правоприменителей всех уровней, принцип неотвратимости ответственности и взыскания материального и морального ущерба от правонарушения не будет дифференцироваться в зависимости от общественного статуса потерпевшего и от размера причиненного ущерба, правовое положение потерпевшего не будет ассоциироваться с положением униженного просителя. Право как система эффективно действующих норм будет восприниматься сознанием личности и общества как подлинно реальное, единственно применимое средство защиты нарушенных прав и преграда на пути потенциального правонарушителя. Следует отметить, что затронутая здесь проблематика не исчерпывается указанными положениями, но практически неохватна и требует серьезного и ответственного исследования в ракурсе комплексного механизма действия воспитательной (или психологически-мотивационной, если отвлечься от советской терминологии) функции права вообще и административного права в частности. Задача состоит здесь лишь в том, чтоб отметить в числе прочих социальных факторов повышенно нигилистического отношения к проблеме мелких краж и недостаточное социально-психологическое влияние механизма административного права в части реализации принципа неотвратимости ответственности и соблюдения прав потерпевшего. Главным ориентиром в развитии механизма действия любой отрасли права должна быть прежде всего необходимость защиты интересов человека, выявление и устранение причин совершения правонарушений. Этому вопросу уделял внимание профессор Складов И.А.¹ и на основании исследований эмпирического материала рекомендовал некоторые меры организационно-правового обеспечения правоохранительной деятельности по предупреждению и борьбе с мелкими хищениями. В частности, внимание было уделено предупредительной работе с лицами, поведение и правовая культура которых дает основание опасаться совершения ими посягательства на чужую собственность.

Данная работа не дает полного ответа на вопросы исследуемой проблемы, но является попыткой обоснования связи правосознания и поведения личности в обществе.

¹ См. Складов И.А. Некоторые вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел по предупреждению посягательств на социалистическую собственность. // В кн. Экономико-криминологические средства борьбы с преступностью в сфере социалистической экономики. Горький, 1983. ГВШ МВД СССР.